

Однако она все еще нахмурила брови и сказала: «Почему их так много? Как я могу собрать пять-шесть миллионов?» У нее не было столько денег. Эти мужчины, должно быть, думали, что ее семья — легкая мишень, и намеренно пытались вымогать у нее деньги.

Ань Цзюнь горько усмехнулся: «Каждый человек дал больше миллиона, так что с пятью из них в сумме получается пять-шесть миллионов, верно?» Он также взял значительную сумму этих денег, потому что был сыном в семье и имел будущие обязанности по содержанию своих родителей.

Каждый раз, когда они получали деньги, они обязательно отдавали ему часть, поэтому он чувствовал себя причастным к трате этих нескольких миллионов. Однако обычно они держали подобные вещи в секрете от Ань Мэйцзун.

Он пробормотал: «Эти молодые мастера привыкли запугивать других. Они небрежно просят пять-шесть миллионов, а мы вообще не можем возразить. Если мы это сделаем, телохранители избьют меня и отца. Они чуть не избили папу до полусмерти».

Ань Мэйцзун разозлилась и сказала: «Зачем им прибегать к насилию? Мы не в состоянии вернуть деньги!»

— Да, это то, что я сказал. Ань Цзюнь потерял больное плечо, которое стало фиолетовым, и сказал с горечью: «Из-за этого Сяо Мэй рассталась со мной. Сестра, попроси, пожалуйста, мужа помочь нам выплатить деньги! Иначе нам с родителями придется работать в ночных клубах!» На самом деле Ань Мэйцзун тоже была замешана в этом, но они решили держать ее в неведении.

Ань Мэйцзун почувствовала себя убитой горем и сказала: «Я понимаю. Вы все пострадали из-за меня. Если бы я знала, что у этих людей нет манер, я бы не стала с ними общаться».

Что касается денег, то изначально она планировала оставить новогодние деньги на этот год у своего сына и тратить их медленно.

Однако все пошло не так, как планировалось, и эти люди заставили ее выплатить долг, что, если она не сможет, отразится на ее семье. Итак, ей пришлось найти способ пополучить деньги сына на этот год и использовать их для погашения долга. Позже она придумает, чем их заменить.

Забрать деньги из рук ребенка, что в этом страшного? В ту ночь она спала крепко, без всякого бремени.

На следующее утро Инь Цзюй пришел постучать в дверь своего младшего брата.

Как только он постучал несколько раз, он увидел пару влажных черных глаз своего брата, его

молодое лицо, все еще нежное, и маленький красный рот, слегка надутый.

Он был одет в пижаму с животным принтом и выглядел милым и послушным. Инь Цзюй вздохнул про себя и быстро извинился: «Прости, Минлу, я не знал, что ты все еще спишь».

На самом деле он был всего лишь ребенком, который умел спать.

«Я проснулся», — ребенок протер глаза и сказал: «Я больше не сплю».

— Брат отведет тебя вниз на завтрак, ладно? Инь Цзюй продолжал уговаривать его: «Брат хочет тебе кое-что показать».

Малыш послушно кивнул, оделся, не нуждаясь в чьей-либо помощи, убрал свою постель, а затем Инь Цзюй повел его вниз. Он съел горячий завтрак, и его маленький белый животик торчал наружу.

Инь Цзюй заметил, что ребенок с сожалением похлопал себя по круглому животу, взял ложку сладкой кукурузы и спросил: «Минлу, что случилось?»

«Я больше не могу есть. Если я съем больше, то располнею», — сказал ребенок, а затем встал на бытовые весы, глядя на свой вес своим маленьким мозгом.

Казалось, что число все еще находится в пределах приемлемого диапазона, поэтому он вернулся на свое место, взял сладкую кукурузу и откусил ее.

Беспокойство ребенка о своей фигуре и весе в сочетании с его невинной и очаровательной внешностью заставило Инь Цзюя рассмеяться. Ребенок сурово взглянул на него, но его круглые невинные глаза не обладали устрашающей силой. Инь Цзюй сказал: «Ты совсем не толстый».

Ребенок от природы был немного пухленьким.

«Дело не в том, толстый ты или нет. Хорошую фигуру следует поддерживать на протяжении всей жизни, начиная с юного возраста. Как может тот, кто не может контролировать даже свой вес, контролировать свою жизнь?»

Объяснил трехфутовый ребенок. У него не было намерения вести себя глупо перед Инь Цзюем, и с тех пор, как он взял на себя тело первоначального владельца и отделился от Ань Мэйцзун, его талия, казалось, прибавила несколько лишних дюймов, что заставило его чувствовать себя виноватым.

Казалось, ему необходимо включить физические упражнения и контроль веса в свой план

развития вундеркинда. Поскольку была зима и он не мог плавать, то можно было бы заменить это бегом.

Ребенок, задумавшись, подперев подбородок, совершенно не сознавал, насколько комично выглядело его пухлое лицо. Инь Цзюй не мог удержаться от смеха рано утром и боялся, что ребенок из-за этого рассердится. Итак, он достал монету в один цент и сказал: «Минлу, посмотри на это. Что это такое?»

«Это монета в один цент», — ответил Инь Минлу с холодным, равнодушным взглядом, вынимая ту, которая была у него из кармана. «У меня тоже есть». Благодаря Инь Цзюю, он провел ночь, страдая от зубной боли и страха потерять зуб.

Инь Цзюй сказал: «Как насчет того, чтобы я подарил тебе и эту? Тогда у тебя будет две». Он с улыбкой положил монету перед ребенком. На самом деле, эта конкретная монета не была чем-то, что он ел; это было что-то, что съел другой ребенок, который пытался доставить ему удовольствие, пока его не вырвало.

Он с готовностью принял это и планировал использовать, чтобы доставить удовольствие своему младшему брату. Был ли это способ извиниться за него или попытаться подкупить его? Инь Минлу это не понравилось; его не волновал этот маленький миллион.

Поскольку его игра о рыбалке вышла в Интернет и была привязана к его телефону, он зарабатывал деньги без перебоев. Благодаря своей дальновидности он знал, что игра остынет через два или три года, но на данный момент это была одна из дойных коров семьи Инь. Поэтому недостатка в деньгах у него не было.

Ань Мэйцзун добавила: «В деньгах много микробов, поэтому к ним нельзя постоянно прикасаться. Мама сохранит это для тебя». Казалось, что там даже был элемент требования этого для себя.

Она только что проскользнула в комнату другого человека, когда ребенка не было рядом. Она тщательно обыскала все возможные места, где могли быть спрятаны деньги, включая подушки, одеяла, ящики и даже карманы выброшенной вчера одежды.

Но ей не удалось найти ни одной банкноты, не говоря уже о цветном листке бумаги. Она была так расстроена, что почти усомнилась в цели жизни. Она не могла поверить, что этот ребенок так осторожно прячет деньги. От кого он защищался? Он словно защищался от воров.

Она тайно выругалась, думая, что он, должно быть, происходил из маленького и непривилегированного происхождения, и его присущая ему жадность проявлялась так, как будто он никогда раньше не видел денег.

Она думала, что это наверняка, но все обернулось полным провалом. Пока она смотрела, как уходит время, водитель подгонял ее, а телефонные звонки ее родителей были

непрекращающимися, у нее не было другого выбора, кроме как запаниковать и броситься вниз, чтобы найти главного героя.

Как только она спустилась по лестнице, она увидела, как Инь Цзюй дает ребенку еще одну счастливую монету. Ее сердце дрогнуло, и она пересчитала общие активы Инь Минлу, расчет громко звучал в ее голове. Она представляла, как заполучит деньги, заполнит дыру дома и подсчитала, сколько у нее останется.

Она села за обеденный стол, не заботясь о присутствии Инь Цзюя, и с беспокойством спросила: «Детка, а как насчет красных конвертов, которые ты получил вчера вечером? Эти деньги тебе не понадобятся. Мама положит их для тебя в банк. Когда ты подрастешь и сможешь распоряжаться своими финансами, мама вернет их тебе. Таким образом, ты не потратишь все безрассудно».

Она имела вид обеспокоенной матери, и ребенок чуть не рассмеялся. В своей предыдущей жизни Ань Мэйцзун сказала то же самое первоначальному владельцу, а потом... не было никакого «а потом». Только когда он стал взрослым, первоначального владельца полностью выгнали из дома.

С трех до восемнадцати лет, сколько денег могло накопиться за эти пятнадцать лет, он даже не упомянул об этом. Лазейки были очевидны для любого проницательного глаза. Вопрос был лишь в том, будут ли они привлечены к ответственности или нет.

Более того, он задавался вопросом, были ли слова Ань Мэйцзун рассчитаны. Когда она вернет деньги? Ожидание, пока он достигнет «совершеннолетия» и «способен управлять финансами», прежде чем вернуть их, означало, что простого достижения совершеннолетия будет недостаточно. В качестве матери она, вероятно, считала, что он никогда не сможет распоряжаться своими финансами и поэтому никогда не вернет деньги.

Причина, по которой первоначальный владелец доверял ей, заключалась в том, что он относился к Ань Мэйцзун как к своей собственной матери, и даже если его обманула собственная мать, он охотно принял это, думая, что обеспечивает ее пенсию. Если она не была его настоящей матерью, то пусть будет так.

Но первоначальный владелец был молод и так долго оставался в неведении. Поначалу он не мог вынести того, чтобы выдать все свои секретные деньги. Однако жадная семья Ань неоднократно промывала ему мозги, рассказывая, как усердно его мать работала на Инь Юньцю, воспитывая детей и выполняя свои обязанности жены, но так и не получив никакого признания.

Они заставили его поверить, что даже его собственной матери нельзя доверять деньги, причинив ему сильную боль.

Итак, первоначальный владелец в конце концов сдался и передал все свои личные средства. Он накормил семью Ань, сделав их толстыми и сытыми, но когда пришла его очередь, в его

кармане почти не было денег. У него не было даже золотой карты.

Когда он выходил с друзьями того же возраста, чтобы угостить их, он всегда чувствовал себя неловко, так как у него никогда не было денег, и его часто высмеивали как «беднейшего богатого второго поколения».

В этой жизни появился Инь Минлу, и он не был тем наивным первоначальным владельцем, который доверял Ань Мэйцзун как свою псевдо-мать. Он ни на секунду не поверил ее милым словам.

Видя сопротивление своего младшего брата, улыбка Инь Цзюя тоже исчезла. Он попытался выступить посредником: «Тетя, нет необходимости класть деньги в банк. Минлу очень воспитанный и разумный. Он не будет тратить деньги безрассудно».

Ведь трехлетнего ребенка отец всегда носил с собой, выходя на улицу, и куда бы он ни пошел, отец давал ему деньги. Сколько денег в красном конверте он мог потратить? Эти слова были просто для того, чтобы успокоить ребенка, который не понимал ситуации.

Ань Мэйцзун настаивала: «Цзюй, если бы это был ты, тетя бы не волновалась. Ты старше Минлу, умный и ответственный. Минлу сейчас чуть больше трех лет, и он не понимает, что такое деньги. Он видит вещи по телевизору и хочет их купить. Ему очень легко потратить все свои деньги».

«Более того, ребенку опасно носить с собой деньги. Они могут легко потеряться. Для его же блага взрослые хранят это для него. Мы сохраним их для него, пока он не повзрослеет, а потом отдадим обратно. Дело не в том, что мы не вернем его; просто эти деньги можно будет использовать для его образования в будущем».

Телефон в кармане продолжал звонить, и каждый звонок напоминал звонок сборщика долгов. Ань Мэйцзун чувствовала все большее раздражение. В конце концов, она даже не знала, что говорит.

Когда она вышла из этого состояния, она увидела подозрительные взгляды Инь Минлу и Инь Цзюя. Ее сердце упало, но она больше не могла набраться терпения. Она встала, чтобы обнять Инь Минлу.

Однако, как только она протянула руку, получила от ребенка не очень легкую пощечину. Она инстинктивно отдернула руку и увидела Инь Минлу, маленького негодяя, прыгнувшего со стула и спешащего вверх в тапочках. Она точно знала, кого он собирается найти. Она пробормотала про себя проклятие, понимая, что это плохой знак.

Недолго думая, она погналась за ним, но ребенок бежал так быстро, как будто занимался легкой атлетикой. Несмотря на то, что он был одет в плюшевые тапочки и у него были короткие ножки, он исчез в мгновение ока, оставив ее кипеть от разочарования.

Придя в кабинет Инь Юньцю, Инь Минлу даже не удосужился постучать в дверь, а сразу потянулся к ручке.

Внутри он увидел за длинным черным столом высокую и красивую фигуру, широкоплечую и хорошо сложенную, но вместо костюма он был одет в черную домашнюю одежду.

Когда он увидел входящего ребенка и почувствовал запах сладкой кукурузы, глаза Инь Юньцю наполнились улыбкой. В семье Инь был только один человек, который мог ворваться в его кабинет без стука, и это был этот ребенок.

Он поднял ребенка к себе на колени и спросил: «Ты сыт?» Он услышал издали топот шагов. Этот ребенок был таким оживленным рано утром; он не боялся боли в животе.

«Я сыт», — кивнул Инь Минлу, схватив большую руку мужчины и положив что-то ему в ладонь. Он сказал: «Папа, у меня есть что-то новое. Помимо новогодних денег, которые я дал тебе вчера, ты можешь помочь мне сохранить их в безопасности? Когда я вырасту, ты сможешь вернуть их мне».

Если ты все еще будешь готов отдать это, когда правда выйдет наружу.

Эти деньги были переданы семьей Инь, и он не собирался их присвоить. Даже если кто-то захочет вернуть, это должно быть его право сделать это. Он считал, что характер Инь Юньцю превосходит характер Ань Мэйцзун, коварной женщины.

Инь Юньцю на мгновение был ошеломлен. Он чувствовал, что в руке он держал не просто монету, а искреннее доверие ребенка.

Через мгновение он не смог сдержать улыбку, держа нежную маленькую ручку. — Хорошо, папа сохранит ее для тебя. Стоит ли мне положить в сейф?

— Нет, — на лице ребенка отразилось другое беспокойство, он покачал маленькой головкой. «Помещение в сейф обесценит ее. Тебе следует положить их в банк». Таким образом, амортизация будет медленнее.

Сегодня темпы обесценивания бумажных денег никогда не смогут сравниться с ростом цен на недвижимость. Если бы он мог этим управлять, будь то покупка золота или продажа домов, он бы точно не захотел тратить эти деньги впустую.

Увидев расстроенное выражение лица своего сына, сердце Инь Юньцю сжалось. Он не понимал, почему его сын, который не хотел отдавать деньги, доверил их именно ему, своему отцу.

Но он быстро понял причину, когда задыхающаяся Ань Мэйцзун появилась в дверях кабинета.

Она посмотрела на него нежно, но тревожно. «Юньцю, ты видел ребенка?»

Этот чертов водитель только что остановил ее в коридоре и во второй раз спросил, когда они отправятся, из-за чего она на некоторое время затормозила. После того, как она вырвалась из этого состояния, она нигде не могла видеть ребенка.

В такой большой семье Инь она ступила сюда только в этом году и понятия не имела, где находится кабинет. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы найти его.

Увидев появление Ань Мэйцзун, Инь Юньцю сразу все понял. Должно быть, она требует от ребенка отдать деньги, заставляя умного ребенка чувствовать себя неловко, поэтому он торопливо пришел к нему, своему отцу.

Поэтому он сразу похолодел, сжал в своих руках круглое тельце, которое только что слегка дрожало, и холодно сказал: «Почему ты еще не уехала?»

Безразличный тон мужчины заставил изящную фигуру Ань Мэйцзун задрожать. Она не осмелилась сказать, что еще не получила деньги у ребенка. Она не могла уйти. Если бы она это сделала, у ее семьи были бы проблемы.

Когда она увидела знакомую монету в руке мужчины, она широко раскрыла глаза. Она также увидела выражение ликования Инь Минлу.

Казалось, его кто-то поддерживал, и даже его хвостик вот-вот поднимется вверх. Поняв, что этот маленький негодяй, должно быть, проболтался, она почувствовала себя так, будто ее ударили по голове железным молотком, лишив ее дара речи.

<http://bllate.org/book/14980/1325332>